

ПЕРЕЛЕТНЫЕ ПТИЦЫ

или

ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ БЛИЗ ...

Пьеса в трёх вечерах

Действующие лица:

Анна Васильевна	русская, вдова директора заповедника
Олеся	украинка, помощница по хозяйству, больше двадцати лет проработала в доме Анны Васильевны
Николай	американец, сын Анны Васильевны, несостоявшийся спортсмен, бизнесмен
Херкас	литовец
Заза	грузин

Действие пьесы происходит в укромном уголке природного заповедника для разведения птиц близ... любого европейского города, в двухэтажном доме с цоколем . Декорация дома в разрезе занимает всё пространство сцены. Каждая комната на двух этажах видна, как на ладони. На верхнем этаже обитает хозяйка дома Анна Васильевна (справа – просторная светлая спальня, слева – кабинет.) На первом этаже слева находится гостиная, она же столовая, справа - небольшая кухня. Широкая винтовая лестница, начиная с верхнего этажа, разрезая дом пополам, уходит в цокольное помещение, где живет Олеся, пухлая дамочка лет 50-ти, экономка. Нижний, цокольный этаж не виден, по подразумевается под сценой. Все прочие помещения: ванные комнаты, туалеты, кладовка и т.д. находятся в другой половине дома и зрителю не видны.

Вечер Первый

Из подвала в гостиную медленно поднимаются А.В. и Олеся. С трудом несут громоздкую коробку, никак не могут развернуться с ней на лестнице.

А.В. Леся, Леся. Ну что ты такая нерасторопная, в самом-то деле, чертова кукла. На себя бери, на себя. Что ты весь вес на меня переложила. Ты же знаешь, у меня сердце.

Олеся. Давай, Васильна, еще немного осталось. Поднажмём. Вертайся, вертайся взад, иначе не пролезет. Слишком узко. Вертайся, говорю.

А.В. Да некуда уже двигаться. И зачем мы все это сейчас затеяли, на ночь-то глядя.

Олеся. Да як жеж. Мыкола приедет, а в комнату не войти. Где ж дитине спать-то?

А.В. *(останавливается.)* Вот пусть твой детина сам коробки и ворочает. Не женское это дело. Стой, не могу больше. Всё, отпускаем. Передохнем немного. *(отпускает коробку и та падает ей на ногу.)* А-а—а, Леся, а-а-а. Ну что же ты, больно. Нарочно что ли, прямо на больную ногу.

Олеся. Так сама же отпустила.

А.В. Но я предупредила, что отпускаю.

Олеся. Не могу же я за вас ногу убрать.

А.В. Тебе лишь бы спорить, Леся. Ой-ой-ой-ой-ой.

А.В. Это просто преступление! Против собственного здоровья. Нужно было мужиков нанимать – давно бы всё уже было сделано. *(садится на коробку.)* Ну мыслимо ли, чтобы две хрупкие женщины коробки с книжками таскали и шкафы двигали.

Олеся. За тридцять років стільки мотлоху накопичилося, що потрібно просто брати все і викидати.

А.В. Мотлоху накопилось! Ну и словечки у тебя. Легко тебе говорить, Леся, этот мотлох, как ты говоришь, жизнь моя. А на чердак даже страшно заглядывать, там каждая вещь Мишу напоминает. Вот, например, вчера, и угораздило же

меня на наш свадебный альбом наткнуться, я же после этого всю ночь не спала: рыдала, рыдала, никак остановиться не могла.

Олеся. Вам бы только поплакать. Говорила я вам с самого початку. Кто ж такие тяжкості на спину, да при больном сердце?! Микола шо? не розуміє?

А.В. Да ни шо твой Мыкола не соображает, ему до лампочки, что мать корячится. Главное, чтоб на сборы и на переезд не потратиться. Господи, видел бы отец, как я здесь сижу одинокой сойкой. Какое счастье, что не дожил, родимый, до такого позора.

Олеся. Это он еще не видит, как его птички без него хиріють.

А.В. Леся, ну неужели нельзя без этих ужасных слов?! При чем здесь птички? Ничего не сделается его птичкам, живут себе припеваючи. Вчера только обход делала: пруд почистили, заборчик возле кормушки починили, но ты все равно людей пока не пускай, нечего им шляться, только кусты ломают и птиц пугают.

Олеся. Да кому мы нужны, не сезон сейчас и птицы уже почти все улетели. Только утки, да лебеди остались. Конец ноября, Васильна.

А.В. Господи (*крестится*), так уже два месяца, как Мишенька... как мой Мишенька... что я теперь без него. Как же мы все теперь без него? Вот о чем нужно думать в первую очередь, а ты всё про птиц. Да кому они сдались твои птицы-то? Передохнут? Да пусть дохнут, туда им и дорога. Я даже рада, что мы уезжаем. Надоели их крики, сил нет. Переживай ещё за них, корми, следи, лечи. Одних только семечек полгрузовика съедают за неделю.

Олеся. Вчера видела, черный лебедь снова прилетал? Посувался, потыкался по камышам и улетел. Птицы любят наш парк.

А.В. Не парк это, сколько можно повторять. (*гордо.*) Природный заповедник.

Олеся. Один хрен.

А.В. Хотя надоел он, мочи нет! Иногда так хочется взять и всех их перестрелять – вот отвела бы душу. И чтобы никогда больше не слышать их квохтанья, кудактанья, гоготания по утрам. Как базарные бабы у плетня. А я ласточек люблю и белого аиста.

Олеся. Так эти улетели уже.

- А.В. Знаю, чего им не хватает?
- Олеся. А это тип такой. Всегда ищут, где потеплее, посытнее и поспокойнее. Где уютно: за морями, океанами, только не на родной земле. Прямо как мы с тобой, Васильна.
- А.В. Всё, давай, хватит с нас на сегодня. Сворачиваемся. *(пытается встать.)* Ой, ну вот, нога как деревянная совсем. Только этого мне не хватало. Леся, ну что ж так неаккуратно, мало мне напастей, как я хромяя-то дела делать буду.
- Олеся. Деловая ты наша. Садись на диван, отдыхай, а я коробки приберу пока, а то всю дорогу перегородили, не просочиться. А пилу-то сколько, мати моя рідна! *(Выходит на кухню за пылесосом.)*
- А.В. *(прыгает на одной ноге до дивана.)* Весь день всё что-то носим, разбираем, собираемся, шеи моем. Может, Николенька, вообще не придет? Вдруг у него планы поменялись. Он у нас человек молодой, зачем ему две престарелые дамы в Америке? Уже два дня ни ответа, ни привета.
- Олеся. Бизнес э бизнес. Важливі переговори, небось. і вдень і вночі. Это вам не птичек по болотам считать.
- А.В. А мне что прикажешь делать? Сколько можно ждать.
- Олеся. *(Входит с пылесосом.)* Буде. Буде, Васильна. Прилетит твой сокол. Чую, что прилетит, может даже и сегодня. Ведь четверть десятого только.
- А.В. *(передразнивая.)* Четверть десятого только. *(кричит.)* Что? Как? Не может быть? Что ж ты мне раньше не сказала, дурья твоя башка? Я же, наверно, уже закрытие пропустила! Ай-ай-ай! Включай скорее телевизор.
- Олеся, всем телом навалившись на коробку, пытается отодвинуть ее в угол комнаты.*
- А.В. Леся, ну что ты возишься. Скорее, скорее. Я же с раненой ногой, ты что не видишь, я встать не могу.
- Олеся нехотя включает телевизор.*
- А.В. Вечно с тобой так, Леся. Успели, слава богу, нет, не может быть: неужели уже конец, вот дуры с коробками провозились.
- Олеся. То же мне невидаль, Васильна, потом в интернете подивишься.

А.В. Ну, я так и знала, самое интересное пропустила. Дура старая. Смотри, смотри, Леся, иди сюда, что ты всё туда-сюда ходишь?! (*Леся то входит в гостиную, то выходит в кухню. Перекладывает какие-то полотенца, ложки, вилки, что-то ищет в буфете*). Вот это да. Какая красота, а народу-то сколько на стадион понагнали, прямо как китайцы. Давно такого закрытия не видела. Ну, молодцы, просто нет слов. Молодцы! А музыка какая?! Боже мой. Ой, а это что, дети? Целый стадион детей и все поют, восхитительно, просто невероятно. Всем нос утерли. Как жаль, что Николеньки нет, ему бы полезно было посмотреть. Он же русский человек и должен гордиться своей страной. Да его американцам такого и не снилось. Леся, ну где ты? Всё самое интересное пропустишь.

Олеся. (*из кухни.*) Да здесь я, здесь. (*входит.*)

А.В. Смотри-ка, смотри, наши, наши идут. Или это не наши? Да нет, конечно, наши. Я наших издалека вижу. Леся, а ты заметила, какая в этом году интересная форма: то ли кафтаны, то ли полушубки. И на голову что-то накрутили. Эх, смотрю я иногда на них и думаю, почему всё-таки Николенька спортсменом не стал. А ведь так всё хорошо шло, столько сил, денег, здоровья вбухали с отцом! Все выходные – на кортах. А эти бесконечные соревнования, сборы. Думала, не выдержу напряжения. Мне даже ночами мячики летающие снились: туда-сюда перед глазами мельтешили. Я даже правила выучила, чтобы за игрой следить. И зачем надо было ребенка в Америку эту проклятую отправлять. Больше нигде карьеру что ли делать? Сижу здесь теперь без него одна, сирота несчастная. Вся жизнь наперекосяк из-за его тенниса. А он, паршивец, бизнесом решил заняться. И в этом он весь, ничего до конца не доводит. Не хватило упорства. Сейчас бы мог быть на Олимпиаде, в рядах со всеми.

Олеся. С американцами что ли?

А.В. Зачем? С нашими, конечно.

Олеся. Не переживай, Васильна, то ж Зимние игры, тенниса всё равно нет.

А.В. Ну и что, какая разница? Ты разве не видела, на открытии наш флаг русская теннисистка несла.

Олеся. Не видела.

Звучит российский гимн. А.В. встает и, вытянув руки по швам, стоит как вкопанная.

Олеся. *(включает пылесос.)*

А.В. *(перекрикивая гул пылесоса.)* Леся, ну имей совесть, дай спокойно посмотреть. Нельзя позже что ли убрать.

Леся выключает пылесос.

Олеся. Так разлетится вся пыль по дому, потом лови ее.

А.В. продолжает стоять перед телевизором, подпевает гимну. Леся с шумом начинает двигать коробку по полу в дальний угол. Дотащив её до угла, решает, что лучше перенести ее в другой конец комнаты и снова начинает с шумом волоочь ее по паркету в обратную сторону. Выходит в кухню.

А.В. расстроившись, плачет под гимн. Гимн заканчивается, А.В. садится.

А.В. Леся, ну где ты там всё ходишь? Ни минуты не можешь посидеть. Самое интересное пропустила.

Олеся. *(выходит из кухни с красной материей в руках.)* Мне некогда телевизор смотреть. Не люблю я твой спорт.

А.В. Да я спорт тоже не люблю, но Открытие и Закрытие всегда смотрю. Олимпийские игры – это, милая моя, не спорт. Это, если хочешь, международные отношения. Сколько сил и денег было вложено – просто уму непостижимо. *(вытирает глаза.)* Масштаб! Ну, кто еще мог устроить такой праздник. А салют-то какой был! По размаху, пожалуй, только китайцам по силу нас переплюнуть. *(вздыхает.)*

Олеся. Конечно, страну разворовали, народ обокрали и еще имеют совесть Олимпиады закатывать.

А.В. А при чем здесь кто кого обокрал?! Олимпиада – дело святое. Это престиж страны, с голоду будем помирать, а в грязь лицом не ударим. Ты вспомни, какая у нас была огромная, дружная, мощная страна. Все люди – братья. Как можно было такую махину развалить? Да еще в такое беспокойное время. Оглянись кругом: старуха Европа и та объединяется. Да ну, *(машет рукой.)* что тут говорить! И что осталось? Междоусобица одна - каждый за себя.

Олеся. Так я ставлю пирог?

А.В. Успеется. И так с этими коробками чуть не пропустили. Сядь лучше, посмотри хоть конец. Это же громадное событие. Весь мир смотрит.

Олеся. Да шо я там не видала, ей богу.

А.В. Наши столько золота взяли, какой у нас всё-таки талантливый народ. А сколько новых молодых спортсменов.

Олеся. Поздравляю. А наши вообще выступать отказались.

А.В. *(удивленно.)* Это какие такие ваши?

Олеся. Как какие, Украина конечно.

А.В. Ах, ну да. Ну да. Конечно. Как всё это грустно. Раньше, когда все вместе выступали, так и медалей было больше и престижу. А теперь каждый за себя: и украинцы, и литовцы, и даже грузины. Глупо. Один же народ.

Олеся. *(хмыкнув.)* Это кто это один народ? Литовцы с грузинами что ли?

А.В. А почему украинцы отказались выступать?

Олеся. Так вы шо ж, ничего не знаете?

А.В. А что я должна знать?

Олеся. Хотя откуда вам знать, по первому каналу этого не кажут. Наши спортсмены отказались от ваших спортивных забав, они солидарны с бойцами на баррикадах Майдана. Це нестерпно. Мерзнут, голодуют на морозе, но не сдаются. Люди возмущены выпадками президента.

А.В. Какими выпадками? Какого президента?

Олеся. В Украине президент один.

А.В. Поздравляю. Ну и что этот ваш один президент сделал?

Олеся. Да он вместо того, чтобы поговорить по душам с Майданом, почав розстрілювали демонстрантов на баррикадах. Так там же студенты були, жінки, діти. Больше ста человек уже загнули на барикадах. Мыслимо це. Какая может быть Олимпиада? Во время упражнений этих Олимпийских ис

покон викив затихали все войны. Как он, нелюд, посмел нарушить главный принцип Олимпиады?

А.В. Подожди, подожди. Ну что ты так завелась? Я не смотрела вчера новостей.

Олеся. Так это не вчера началось, Васильна. Ты как на другой планете живешь. Уж сколько недель революция бушевати.

А.В. Да у вас там всё время революция. То одно, то другое, не угнаться.

Олеся. Правильно. Украинцы – гордый, незалежный, сильный народ. І ми не дозволимо, щоб нас топтали ногами. Ми хочемо свободи і незалежності.

А.В. Незалежности они хотят! Какое смешное слово, это чтоб не залежаться... как товар в магазине что ли?

Олеся. Не смешно, Васильна.

А.В. Смешно, потому что непонятно, от кого хотите независимости? (нужно ли все то, что синим) Вы же уже давно на вольных хлебах. Видишь, даже на Олимпиаде сами! И вообще, я думаю, что свои внутренние дела нужно решать внутри страны, а не выносить сор из избы. Русские бы никогда не позволили себе бойкотировать международные соревнования, хоть гражданская война, хоть чума бубонная. Почему другие страны должны страдать из-за бардака в вашей стране?! Да это просто себя не уважать! Дикость какая-то, каменные век. А еще в Евросоюз собираются!

Олеся. Тебе добро говорити, Анна Васильна, вы никогда не были угнетенными, как мы.

А.В. Ой, то же мне, нашла угнетенных.

Олеся. Мы столько страдали сначала от польского, венгерского, потом и русского шовинизма. Тобі не зрозуміти.

А.В. Да уж куда мне.

Олеся. Россию ведь, поди, никто никогда не завоевывал. Под игом-то чужим не живали?

А.В. Как не живали, а монголо-татары! *(улыбнувшись.)* Ладно, Леся, не дуйся. Ты мне лучше объясни, зачем вам в Евросоюз? Своим умом что ли жить не умеете. Сама же кричишь про свободу и независимость. Посмотри на

румынов, болгар, на прибалтов. Кто они здесь в Европе? Третий сорт, бомжи без роду и племени. Видела в выходные на Планпале кучку румынов, ночами на парковках спят, а днем магазины грабят. И вы туда же хотите. Кому вы там, точнее здесь, нужны?

Олеся. Мы имеем право быть там, где хотим. А с Россией нам зачем? Дважды в одну реку не входят, зачем нам их таможенный союз? Пусть сначала сами разберутся, у них и без нас проблем хватает. У нас же дикие люди, сама знаешь, всё на кумовстве, а в Европе – законы, демократия, есть чему поучиться. Будем ровняться на них, дай бог и нас выведут.

А.В. Они вас выведут, Сусанины, жди.

Олеся. А с Россией валандаться уж точно – гиблое дело. Они ни себе, ни людям.

А.В. Нет, валандаться, конечно, не надо.

Олеся. Да мне за народ обидно. Столько мы намыкались.

А.В. Ну, теперь вступите в Евросоюз и заживете как швейцарцы. А что это у тебя в руках?

Олеся. А-а. Так это я за шторы хотела спросить. Комната Мыколы готова: старые фиранки зовсім вицвіли и я тут новые наметала.

А.В. Что ты балаболишь, ничего не понимаю. Какие такие фиранки? Можешь нормально говорить.

Олеся. Да я и говорю, занавески у Мыколы выцвели, решила новые повесить.

А.В. Так он и двух недель не пробудет. Вот еще придумала. А почему цвет такой ужасный?

Олеся. Да всё повеселее будет. Уж больно страшные эти фиранки болтались. А новые и к софе красной подойдут. Как тебе? *(разворачивает шторы, сшитые из флагов союзных республик)*.

А.В. Боже, что это? Откуда ты это откопала?

Олеся. Так це ж флаги. Здесь конечно нужно будет трошки подсобрать, а с этой стороны может придется и отрезать.

А.В. Занавески из флагов?

- Олеся. Нравится? Софа-то тоже красная. Это Мыколины флаги союзных республик. Помнишь, Анна Васильна, он их дытыною собирал. Так я подумала, ему приятно будет. Всё равно же выкидывать.
- А.В. Да ты в своем уме?
- Олеся. А шо?
- А.В. *(кричит.)* Да не шо! Дура! Кто ж из флагов фторы шьет? Это же святотатство. Немедленно убери с глаз моих, чтобы я их больше не видела.
- Олеся. *(смутившись.)* Да ладно, Васильна, что из-за тряпок-то сердиться. Я же только наметала, вот хотела тебе показать, прежде чем строчить.
- А.В. По флагам строчить?! – совсем баба одичала. Ничего святого у людей не осталось. *(хватаясь за голову.)* Что же делается, люди добрые, уже из флагов занавески шьют.
- Олеся. Да они сто лет лежали никому не потрібные и пылились в шкафу.
- А.В. Да за них люди кровь на поле боя проливали, а ты на окно вешать. Заняться что ли нечем? Ты пирог поставила? С минуты на минуту Николенька может приехать, ребёнок голодный с дороги, а ничего не готово. Флаги она вывешивать собралась.
- Олеся. Да всё уже давно готово.
- А.В. А коробки все нужно в подвал снести, живем как на вокзале.
- Олеся. Так мы же их только что подняли. В подвале места больше нет. Мне там уже не развернуться.
- А.В. Ничего не знаю, куда хочешь девай, но чтобы глаза мои их больше не видели. Хочешь, чтобы я себе шею сломала?! Ишь моду взяла, понастроила здесь баррикады.
- Олеся. Да уберу, уберу. *(отодвигает большую коробку еще дальше от лестницы и берет в руки пакеты.)* Зачем только наверх всё перли?!
- А.В. Валандаться она, видите ли, не хочет. Совсем обленилась!

Звонок в дверь.

А.В. Ой, ну вот, дождались. Ребенок приехал, а ты здесь раскорячилась. Давай скорее, неси всё вниз.

(Олеся, пожав плечами, берет самую маленькую коробку и спускается в подвал.)

Входит Николай. Высокий, крепкий молодой мужчина в длинном кашемировом темно-синем пальто, в клетчатом шарфе и в перчатках, с легкой сумкой через плечо.

А.В. Николенька, родной, сыночек. Ну что ж ты так мне нервы-то мотаешь? Неужели сложно было позвонить, предупредить. Я же волновалась. Олимпиаду спокойно смотреть не могла. Всё про тебя думала.

Николай. Откуда позвонить, мама. Я уже больше суток из самолета не выходил: рейс то отложат, то отменят, то погода нелетная, черт знаешь что такое.

А.В. А обнять, поцеловать? А сказать нежные слова: мамочка, как я рад тебя видеть, как давно не обнимал тебя.

Николай. Приветствую тебя, моя пената. *(обнимает мать.)* Слушай, это чрезвычайно. Такси ваше меня просто окончательно добило. Представляешь, сотню с меня приклеил.

А.В. Не приклеил, а содрал. Какой ты смешной, какой ты ещё всё ещё ребенок.

Николай. Просто грабёж. Как вы здесь живете?

А.В. Мы на такси не ездим, сынок. А где твои вещи?

Николай. Таксист у ворот поставил. Виктор-то где?

А.В. Видишь, дожили и чемодан поднести некому. После смерти отца уволить пришлось Виктора, а машину я продала. Я же тебе говорила. Машину нам, правда, иногда мэрия дает, если по делам заповедника съездить куда. А за продуктами Леся на велосипеде наловчилась. Здесь недалеко. Только одна Леся и осталась у меня, верный друг мой. *(кричит.)* Леся, ну где ты всё время ходишь? Иди скорее.

Леся. *(поднимаясь по лестнице.)* Бегу, бегу. Никак барин наш приехал. Дай я тебя расцелую. Давно не видела я красавца нашего. Ах какой видный чоловік стал, страх!

- Николай. *(уклоняясь от поцелуев.)* Хватит, хватит. Налетели, коршуны. Я чемодан у ворот оставил, не принесешь, добрая душа?
- Леся. Ой, Мыкола, ты прям как батя твой сейчас сказал. Аж сердце ёкнуло, вот те крест. *(утирая слезу.)* Он всегда меня так называл. Бегу, бегу, Мыкола. Ты пока раздевайся, сейчас кормить тебя буду. Совсем отощал ты в своей Америке. *(выходит.)*
- Николай. *(по хозяйски осматриваясь по сторонам.)* Ну что, как она жизнь-то? Тишина у вас какая, отец честной. Ничего не изменилось. Как зверинец? Не доконал тебя еще? Уж поди всех куропаток съели?
- А.В. Да господь с тобой, всё в порядке. Вот уедем и перейдет наш заповедник, наконец, в надежные руки. Без отца же здесь вся жизнь замерла.
- Николай. Коробки, коробки, картонки. Я смотрю, ты уже начала собираться. Я тебя только умоляю, не нужно всякий хлам с собой тащить, там своей рухляди хватает. Бери только самое необходимое. *(плюхается в кресло.)* Дом-то за сколько выставили?
- А.В. Ну куда в пальто, Николя. Вставай, что ты как маленький. *(помогает ему снять пальто.)*
- Николай. Что ж табличку о продаже не поставите? Это полезное дело.
- А.В. А я не тороплюсь с продажей, сынок. Продать смогут и потом, без нас. Я все доверенности еще на прошлой неделе подписала.
- Николай. Какие доверенности? Мама? На кого? Я же тебе говорил, ничего без меня не предпринимать. Ничего не подписывать. Я тебе просто попросил выставить дом на продажу. Делов-то куча. Неужели так сложно. А ты уже замудрилась с какими-то проходимцами связаться. Ну ничего доверить тебе нельзя.
- А.В. Николенька, ну зачем сердиться. Во-первых, не замудрилась, а умудрилась, и потом, какие они проходимцы. Это мои хорошие знакомые. Я им сказала, что нам не к спеху дом продавать.
- Николай. Не к спеху?! А ты подумала, чем мы за твой переезд платить будем? Вот за весь этот скраб.
- А.В. *(улыбнувшись.)* Ой, я с тебя умираю, как говорит Леся. Скраб, Николя, скраб. Что ж ты язык-то родной совсем забыл.

- Николай. Ты меня поняла. Такие траты предстоят, что волосы дыбором встают.
- А.В. Может, не будем тогда огород городить с переездом, останусь я дома. Отец ведь всё хозяйство мне завещал: ты пойми, ответственность-то какая, а нагрузка?! Не могу я оставить моих любимых, моих дорогих птичек. Я ночами спать перестала, только о них и думаю. Как они тут будут без меня? А как я без них? А как я без Миши? (*собирается плакать.*) Два месяца прошло, а как вчера всё случилось, сынок, никак поверить не могу. (*вытирает слезу.*) Ведь только пошел полежать, нездоровится мне, говорит... Прилег, родимый... (*плачет.*) и всё. Моя жизнь остановилась.
- Николай. У меня тоже все дела стоят.
- А.В. А что поделаешь, отец ведь родной. Ты знаешь, со временем станет легче. Я заметила, что немного стало отпускать это тяжелое щемящее чувство утраты. А то ведь словно за горло держало, аж дышать было больно. И жалость к себе утихла. Ты старайся думать о том, что ему там лучше, он последнее время столько болел и я чувствовала, что даже такой энергичный человек, как он, устал от этой жизни, а я эгоистично держала его возле себя. Но я чувствую, что он всё равно здесь, с нами, смотрит сейчас на нас и улыбается. Знаешь, как он радуется, что у него такой заботливый сын - с другого конца планеты летит, чтобы забрать меня.
- Николай. Радуетя он, а у меня дела горят, телефон разрывается, а здесь ничего не готово. Болото.
- А.В. Да мы же с тобой толком ничего и не обсудили. Как-то всё так быстро решили, второпях. Я даже и подумать не успела.
- Николай. А что тут думать, пената. Мы же договорились: ты продаешь дом и мы едем вместе ко мне. Покупаем большой дом и живем.
- А.В. Ох, далеко она твоя Америка.
- Входит Олеся.*
- Олеся. Что ж чемодан такой легкий, Мыкола?
- А.В. Действительно, Николя? Это что, все твои вещи? Ты когда обратно?
- Николай. А это от тебя будет зависеть, мамуля. Есть у меня одно дело в Европе, потом в Азию нужно будет слетать. Я думал у тебя уже все готово, дом продан,

ставни заколочены. Подхвачу тебя и дальше полетим. Пить хочу, умираю. Добрая душа, не дай человеку от жажды погибнуть.

Олеся. Чайку? С пирогом? Я мигом. *(выходит на кухню.)*

А.В. Да что там чай, накрывай на стол, Леся. Сами с утра ничего толком и не ели.

Николай. Я не ем на ночь. Стаканчик чаю и спать, спать, спать.

А.В. А посидеть? А поговорить? Ты же ничего про себя не рассказываешь? Как твои дела? Как бизнес?

Николай. Дела, дела.... Хорошо дела. Бизнес – это время. А время, как известно, деньги. Вот засыпаю с мыслью о деньгах и просыпаюсь с той же мыслью. Всё, как у всех.

А.В. Как у всех американцев?

Входит Олеся с подносом.

Олеся. Чай с пирогом. Яблочный, как ты любишь, Микола. А мне отлучиться надо, Анна Васильна, на пол часика.

А.В. Куда на ночь глядя-то?

Олеся. Я мигом. Не волнуйся, я туда и обратно.

Уходит.

Николай. Куда это она?

А.В. Ешь, сынок. Пирог – фирменный, твой любимый.

Отрезает себе кусок торта.

Расскажи мне лучше, как ты себя чувствуешь, мама? Как твоя рука?

А.В. Ты, наверное, хотел спросить, как моя нога?

Николай. А, да, конечно же нога. К врачу ходила?

А.В. А что к ним ходить и так понятно, все болезни от нервов. Сначала, действительно, не знала, куда себя приткнуть, чем заняться. Потом стала мысленно готовить себя к переезду. Надеюсь, смена обстановки оживит

меня. Но ты не волнуйся, я обузой не буду, я тебя тревожить своей тоской не стану.

Николай. В Америке тоски не бывает. Там всё динамично, энергично и с пользой для жизни. Всё другое, всё новое. С домом только ты меня расстроила, как думаешь, если завтра выставить дом на продажу, как скоро в банке можно будет аванс получить?

А.В. Да дался тебе этот дом. Не думаю, что кто-то нам аванс даст, мы ведь уезжаем. И потом зачем нам торопиться, зачем дом продавать? У меня есть кой-какие накопления, на переезд и обустройство хватит.

Николай. Я уже взял кредит под новый дом, хотел, чтобы к твоему приезду всё было готово. Одни билеты, контейнер с вещами, машина чего стоят.

А.В. Ну, машины уже нет. А дом, как знать, может еще и пригодится. Вот выгонишь ты меня из Америки, будет куда вернуться.

Николай. Мама, ну что за бредовые идеи. Куда я тебя выгоню?

А.В. У меня, между прочим, неплохая пенсия. Так что мы с тобой еще шиканем. Кстати, а Лесе можно первые месяцы вообще зарплату не платить. Она согласится, не переживай. Хватит с неё и того, что мы ее перевезем со всем ее скарбом.

Николай. Как это перевезем? Лесю? Ты что, ее с собой решила тащить?

А.В. А как же, конечно. Мы же родные люди, разве что не сестры. Столько лет вместе. И она тоже уже давно хотела в Америку.

Николай. Ты с ума сошла. Может, еще и пруд с утками повезем. Утки разве не хотят в Америку? Да там полстраны таких эмигрантов, как Леся, на любой вкус и цвет: хошь грузины, хошь хохлы. Найдешь себя еще с десятков подружек.

А.В. Не смей так говорить про Лесю, она тебя вырастила, крокодила бесчувственного.

Николай. Лесю мы без дома не потянем, мама. Нет, даже не думай. Нам самим бы выручиться. И потом, для Леси придется специальную визу запрашивать, она же мне никто. У нее и документов поди нормальных нет.

А.В. Есть у нее документы.

- Николай. Швабра и скалка что ли?
- А.В. Итальянские.
- Николай. Всё равно могут отказать. Тогда придется платить по дорогой цене.
- А.В. (*передразнивая.*) По дорогой цене ему придется платить! Ну тогда и я не поеду. Не поеду и всё тут. И выручатся, как ты выражаешься, не придется. Что мне на старости лет метаться. Много ли мне еще осталось. Зачем ты только голову мне заморочил своей Америкой?!
- Николай. Я тебе заморочил?
- А.В. (*передразнивая сына.*) Мамочка, я так хочу тебя забрать, как же ты здесь одна без меня? Прекрасно я здесь одна! И Лесе я наобещала с три короба.
- Николай. Ну конечно, я хочу забрать тебя с собой, что за глупости. Просто ты никак не хочешь понять одну вещь...
- А.В. А ты знаешь, я даже рада, что никуда не поеду. Хочу умереть на родной земле.
- Николай. Хм, ну рассмешила. Где она, твоя земля-то родная? На пруду что ли на этом? Среди уток и камышей?
- А.В. Как я только теперь Лесе в глаза смотреть буду?!
- Николай. Да что ты со своей Лесей? Неужели не видишь, в Киеве революция началась, еще немного и Украина к Европе присоединится. Так Лесья быстрее тебя в Америке окажется, когда хохлы Европу наводнят. А тебя она все равно спасибо не скажет, еще втихаря и ненавидеть будет.
- А.В. За что ей меня ненавидеть?
- Николай. А за всё: за то, что ты родилась и выросла в Москве, за то что замуж за ученого вышла и уехала с ним работать за границу, а не полы мыла у русских дамочек и за детьми их сопливыми горшки выносила по всей Европе, только чтобы документ европейский получить. Или хотя бы за то, что газа в России больше.
- А.В. Да при чем здесь газ и мы с Лесей. Мы же как сестры.

- Николай. Вот-вот, как сестры. Только старшая-то сестра - уже совсем в каргу старую превратилась, разрослась уширь и вглубь, так что не объехать, не облететь на самолете за один день. Закостенела в своем суверенитете и патриотизме. А младшую сестру, которая еще молода и хочет замуж за иностранца, у ноги держит, в Евросоюз не пускает, словно дева старая. Газом шантажирует. Ни себе, ни людям.
- А.В. Ни себе, не людям. И ты туда же. А за каргу старую спасибо, сынок.
- Николай. Это я образно, мам. А если серьезно, то русские снайперы застреливают сейчас людей на Майдане. И это никуда уже не скрыть. Не сегодня завтра война начнется.
- А.В. Не говори ерунды, этого не может быть! Откуда ты это взял?
- Николай. Смотреть телевизор нужно, газеты читать, интересоваться. А ты все про тоску и про уток своих недострелянных думаешь.
- А.В. А почему русские-то? У них уже что и снайперов своих нет?
- Николай: Так вы же не хотите, чтобы Украина в Евросоюз вступала, вот и послали ребят.
- А.В. Кто это вы? Ты еще скажи, что это я послала снайперов? Ты, между прочим, тоже русский.
- Николай. Я – американец, мама. Тебе паспорт показать? Хочешь прозябать на своем болоте – хозяин-фермер. Ты оглянись вокруг, пената. Что такое стала эта ваша Европа – музей восковых фигур. Другое дело США – современная, передовая лаборатория. Все лучшие умы и технологии стекаются к нам. Про Россию с Украиной я и не говорю – каменный век, они отстают от прогрессивного человечества лет на двести. Ты когда последний раз в России была? Так съездила бы на экскурсию. Тебе же жизнь подарила уникальную возможность перенестись на несколько десятилетий, а то и столетие вперед в будущее. И не куда-нибудь, а в Америку! А ты цепляешься за свой первобытный уклад: пруд ей, видите ли, жалко оставлять с куропатками, в дом свой вцепилась, не оторвать.
- А.В. Да уж оторвали один раз, хватит. Я, сынок, уже тридцать лет как куст живу, с корнями вырванный из родной земли и пересаженный в другую почву. Все эти годы я изо всех сил пыталась своими иноземными корнями уцепиться за

чужую землю, хоть как-то прижиться в ней. Напиться хочу, а мне всё мало, задыхаюсь я. Не могу дышать полной грудью.

Николай. Вот скоро и вздохнешь. В Америке еще никто не задохнулся.

А.В. Я рада, что ты прижился там.

Николай. *(встает.)* А я как сорняк, везде приживусь. Пойдем спать, мам. Поздно уже. Завтра решим, что с тобой делать. *(целует мать в голову.)* Мне куда приземлиться?

А.В. Как обычно, внизу.

Николай. Прости, но голова просто расчленяется. Хочу выспаться. *(спускается вниз.)*

А.В. Ну раз расчленяется, то конечно.

Входит Леся.

Леся. Вечер добрый, Васильна. Как Мыкола? Ну богатырь стал, руками не обхватить.

А.В. Да, его не ухватишь. Американец, одно слово. Я, по наивности, раньше думала, что мы с американцами похожи: по масштабу стран, имперским замашкам, да и люди казались схожими: одинаково бесстрашные и патриотичные. Всеми миру готовы помогать: учить, лечить, кормить. А на деле выходит, что ничего родственного даже близко нет.

Олеся. Звідки ти знаєш, ведь ты там еще не жила?

А.В. А что я не вижу по Николеньке, не человек – калькулятор.

Олеся. Мыкола-то? Так какой же он американец, так.... Птица перелетная.

А.В. Ты куда ходила-то?

Леся. Деньги домой отсылала. Курс-то как скачет. Хорошо, у нас тут ничего не меняется. А в Украине скоро на пенсию и буханки хлеба не купишь.

А.В. Так банки ж закрыты?!

Леся. Зачем мне банки. У нас своя система - я с оказией. С машиной.

А.В. И сколько до Киева ехать?

- Леся. Зачем мне до Киева? Мои все в Ровно.
- А.В. Ровно, Ровно. Так это ж в Польше?
- Леся. Господь с тобой, Васильна, не накаркай. Це сама що ні на є рідна Україна.
- А.В. Леся, я хотела сказать тебе одну важную вещь.
- Леся. Я уважно слухаю.
- А.В. Что?
- Олеся. Говори, слушаю.
- А.В. *(стоит, опустив голову, поглаживая спинку стула. Не знает, с чего начать разговор.)* Понимаешь, даже не знаю... как это... *(замечает, что спинка стула неотполированная.)* Леся, ну честно слово. Ты когда последний раз стулья полировала? Боже. Какой ужас. Ты посмотри, дерево совсем высохло, даже потемнело как будто. Это же Мишенькин любимый гарнитур. Стол ты вообще никогда не обрабатываешь, а я ведь тебе сто раз говорила, что это дерево нужно полировать регулярно. Протирать только мягкой тряпочкой, сбрызнув аэрозолем. Я ведь тебе и крем жирный давала. В хозяйственном покупала, специально к черту-на-куличики ездила. Куда ты его дела?
- Олеся. Да куда не дела, что так нервничать-то. В доме должен где-то быть. Иди спать, сейчас всё натру. И стулья и стол и паркет тоже.
- А.В. Уснешь тут с вами. Сигнализацию только не трогай, Христом богом молю. И осторожнее со стульями, они и так на ладан дышат, антиквариат, старинная мебель, а ты с ней, как с дровами. *(выходит.)* Ой, да что с тобой говорить. *(машет рукой.)* Бесполезно.
- Леся относит поднос с чашками на кухню и, взяв в шкафу какой-то спрей, возвращается в гостиную. Лихо берет один стул, брызгает на него из пульверизатора и начинает неистово тереть, так что у стула отваливается спинка.*
- Олеся. Твою мать. Да что ты будешь делать. Рухлядь какая. *Наскоро приделывает спинку обратно, с силой забив спинку кулаком на прежнее место.*
- Зійде для нашей деревни. Раритет! От і копай свій огород. Завтра все одно забуде.

Включив сигнализацию, спускается к себя на этаж. Сигнализация пропищав несколько секунд, сообщает: « режим полной защиты активирован»

Вечер второй.

Прошло несколько недель

Вечер. В доме темно. Лишь в спальне Анны Васильевны горит свет. Она сидит у телевизора, смотрит новости про подготовку Крымского референдума. В соседней комнате, в кабинете, на диване, укрывшись пледом, спит Николай. Олеся в халате и тапочках медленно поднимается по лестнице в кухню, громко шаркая ногами и что-то напевая. Как только она входит в кухню, раздаётся оглушительный вой сирены – сработала сигнализация. Олеся, от страха присев на корточки, закрывает руками уши. А.В. вскакивает, мечется по комнате, от неожиданности пытаясь понять, откуда идет этот громкий звук и что нужно сделать, чтобы он прекратился. Перегнувшись через перила лестницы, кричит вниз:

А.В. Леся. Это ты там? Леся?

Леся. *(вставая.)* Да я, я, кому ж ещё быть, Анна Васильевна.

А.В. Так выключи сигнализацию к чертовой матери. Неужели сама не соображаешь?

Леся подбегает к щитку на стене в прихожей и нажимает на какую-то кнопку. Вой сирены замолкает.

А.В. *(торопливо спускаясь вниз по лестнице.)* К телефону только не подходи. Я сама отвечу, сама. Ещё напутаешь чего-нибудь! И разбирайся потом с этими полудурками пол ночи.

Звонит телефон. Анна Васильевна снимает трубку телефона.

- А.В. Алло. Резиденция. Заповедник. Вас слушают. Да, всё нормально. 1545. Спасибо, спасибо, извините за беспокойство. Спокойной ночи.
- Леся. (*виновато.*) Прости, Анна Васильна. От страха забыла, куда нажимать.
- А.В. А не нужно никуда нажимать.
- Леся. А шо тогда?
- А.В. Да не шо! Для кого сделан предупредительный сигнал, спрашивается? Пипи-пи. Не слышишь что ли или спишь на ходу? Если в кухню напрямую зайти, так сразу заорет – прямое вторжение. Отключать сигнализацию нужно. Просила же, не трогай ты ничего, не включай ты систему, и мальчика небось разбудила. Он же опять после перелёта – умолял его не будить. Сколько тебе не говори, ты всё по-своему делаешь.
- Леся. Так не работает датчик на лестнице (*показывая на стену.*) Я прошла і нічого не пискнув. Я и подумала, что всё выключено.
- А.В. А с чего она тебе пищать будет. Батарейки-то некому поменять. Извергов этих вызывать, так они триста франков сдерут за одни только батарейки. А у меня сейчас каждая копейка на счету. Какого черта ты вообще ее включила в такую рань? Семь часов вечера, Леся. Совести у тебя нет.
- Леся. Да как-то по привычке. Всё убрала и спать решила, а потом вспомнила, что забыла водички взять.
- А.В. У тебя что внизу, воды в кране нет?
- Леся. Да не пью я из-под крана. Багато хлорки там.
- А.В. Какие мы нежные. Последний раз тебе говорю, не включай сигнализацию, пока батарейки не поменяем – надоело через день как при воздушной тревоге трястись. Обо мне не думаешь, дай хоть ребенку выспаться. Дождешься, он нас вообще с собой не возьмет.
- Олеся. Да як жеж не включать? А вдруг залезет кто? Загубилися серед кущів.
- А.В. Чего?
- Олеся. Среди кустов же живём, говорю. Страх один, как на окраине.

- А.В. Да кто к нам залезет? Кому мы нужны, и что у нас брать-то. Завари мне лучше чаю покрепче.
- Олеся. Так ніч же на дворі .. не заснеш, Васільна.
- А.В. Завари, тебе говорят. Спорит всё, спорщица!
- Олеся. *(выходит на кухню.)* Что ж Мыкола туды-сюда мотыляется? Не сидится йому на месте. Щось у нього зі бизнесом, видно, погано. Когда ж нам їхати-то? Я дочери уже сказала, чтоб не ждала весной с огородом помогать, а семена укропа она мне и по почте может выслать.
- А.В. *(входит за Олесей на кухню.)* Зачем тебе укроп?
- Олеся. Как зачем? Зеленый, душистый, его в Европе-то нет, только у турков и то не всегда. А в Америке так и подавно. А какой же борщ без укропа! Так когда едем?
- А.В. Николенька хочет дом продавать: «Ничего, говорит, меня больше не держит в вашей Европе. Зачем мне дом?» А продавать-то его нельзя, Леся.
- Олеся. *(достает чашки для чая.)* Конечно нельзя, свое краше держать при себе. Деньги – фук и нету, а хата всегда буде хатой.
- А.В. Да дело не в этом. Но он упёрся, ни в какую. Заставил меня земельный кадастр составить. Вчера эти два мужика весь день участок измеряли, ползали, ползали взад вперед от забора к забору.
- Олеся. Так вони навіщо приходили, все незабудки потоптав, вороги.
- А.В. А посчитали-то неправильно. Знаешь тот кусок поля за прудом, где бамбук растет?
- Олеся. *(наливая чай себе и А.В.)* Где цапля всё время стоит?
- А.В. Да нет, там уже заповедник начинается, с другой стороны, где за забором поле бесхозное было.
- Олеся. Ну и шо?
- А.В. Да не шо. Так когда новый забор ставили пять лет назад, мы этот кусок поля себе отгородили, я еще тогда подумала: все равно ничейный, а у нас с ним ровный прямоугольник получится. Но они его почему-то вообще не внесли в

кадастр. Безобразие. Это же наша территория. И забором обнесена. Там уже и гнезда белого аиста есть. Заповедная территория, можно сказать. А они на план смотрят и всё пальцем мне тычут, что, мол, нет здесь ничего. Как же нет, когда там и муравейник, и скворечники. Они что ли их строили? А под березами там потрясающее грибное место.

Олеся. Ну правильно, шматок поля захапали просто так, нікого не запитавши, а тепер нагадуватия. Дуже по-російськи.

А.В. Это что это мы захапали? Поле-то пустое было, мертвое, никому на фиг не нужное. Мы кусочек-то всего отщипнули, островок небольшой. Облагородили его, бамбук вырубил, да и птицы там поселились, так что имеем на него теперь полное право. Ты же сама кричала тогда, ставь шире забор, шире. За штакетом несколько раз пришлось в магазин ездить.

Олеся. Так ты хоть всё поле огороди, оно от этого твоим не станет.

Вдруг в гостиной включается телевизор, запрограммированный на новости. Идет заставка вечерних новостей Первого российского канала. Начинается репортаж из Крыма о подготовке к референдуме. Анна Васильевна и Олеся выходят в гостиную.

Олеся. Боже мой, то що таке! (крестится.) Здрасьте, я ваша тітка. Свят, свят, свят! Это еще что за фокусы!.

А.В. Так референдум готовят, не знала что ли?

Олеся. Да я не за то. Я про телевизор. Чего это он ни с того, ни с сего вдруг заорал?! Дом нужно святить или, может правда, продавай ты его быстрее, Васильна.

А.В. Да это Николенька вчера, кудесник. Подарок матери сделал, запрограммировал включение на вечерние новости. Вот забыла дура старая телевизор включить, а чёрный ящик – раз и сам о себе напоминает. В наше время нужно быть в курсе событий.

Олеся. Вот тебе и копай свой огород! Да что там смотреть в телевизоре этом? Вранье ведь сплошное. (А.В. садится на диван. Олеся поправляет скатерть на столе.)

А.В. Главное, Леся, факты, а все нюансы и подробности каждый сам себе дорисовывает в меру своей испорченности и зомбированности. Мы, советские люди, научены читать между строк. Что там у нас на повестке:

Крым готовится к референдуму. Ну, это всё я уже сегодня видела. *(выключает телевизор.)* Главное, чтобы все живы-здоровы были, а тогда и слава богу.

Олеся. Главное, слава Путину.

А.В. Да чем он опять тебе не угодил?

Олеся. А что ж он творит, ваш Путин. *(Олеся краем фартука протирает фотографии в книжном шкафу.)* Вот зачем ему сейчас Крым понадобился? Всё ведь так хорошо шло. Ну почему нельзя оставить людей в покое. Какая ему разница, что там с Крымом?

А.В. Крымчане хотят быть с Россией, вот увидишь результаты голосования. Да оставь ты фотографии в покое.

Олеся: Не могу я без дела сидеть, хоть пыль вытру.

А.В. Возьми тогда тряпочку специальную из микро-фибры, зачем я ее купила, спрашивается. Нет, будет шершавым фартуком стекло царапать.

Олеся. *(продолжая вытирать фотографии.)* Да кто ж добровольно захочет быть с Россией? Ведь погонят людей голосовать под дулами автоматов. Ти бачила, скількох солдатиків перекалечілі, поки військові бази захоплювали. А з мирними розібратися, тьфу – нечего делать. Быть войне. Вот тебе и копай свой огород.

А.В. Да что ты всё нагнетаешь, неужели ты хочешь, чтобы в Крым, наш Крым, пришли войска НАТО? А, не дай бог, война начнется, так и до мировой недалеко. Ты на чьей стороне будешь? С русскими или с американцами?

Входит Николай.

Николай: Что за глупый вопрос, конечно, с американцами.

А.В. Сынок, разбудили тебя. Прости, дорогой.

Олеся выходит на кухню. Убирает со стола чашки и возвращается в гостиную.

Николай. Да с вами не уснешь. Что же вы так кричите, всё что-то спорите, делите. Мне уже ваши крики на печёнке сидят.

А.В. Да ты так сладко спал, не хотели тебя трогать.

- Николай. Да я на этом вашем диване себе всю шею отлежал?!
- А.В. Иди, ложись скорее внизу, Леся тебе всё чистое постелила. Влажную уборку с утра делала, все коробки наверх перетаскала.
- Николай: Да я теперь всё равно не засну. Зачем повесили эти ужасные красные шторы в моей спальне? Специально, чтобы мне кошмары снились? И цвет какой-то ядовито-морковный. Очень возбуждающе на психику действует. Лучше в кабинете буду спать.
- А.В. Снимем, дорогой. Леся, ну я же тебя просила, убери ты их от греха подальше.
- Николай. Ну, что такие надутые? Из-за чего ругались-то?
- А.В. Да что ты, сынок, мы никогда не ругаемся.
- Николай. Что ж тогда столько шума?
- Олеся. Мы политикой балуемся.
- Николай: Ну рассказывайте быстрее. Я же за недели перелётов совсем от жизни отстал. (*садится поудобнее.*) Что в мире-то делается?
- Олеся: Особливо ничего, тільки Путін вже пів України захопив.
- Николай: Путин? Пол Украины?
- Олеся: И откуда такие аппетиты?! Мало ему что ли своих километров целины непаханой?!
- Николай: Чайку-то плесните, не жадничайте.
- Олеся: Своих чиловик кормить нечем, а он всё на чужое зарится. Куди тільки дивляться міжнародні наблюдатели? Ведь международное право нарушается, российская армия влізла в чужу державу.
- А.В. Хм, державу! Это Украина что ли чужое государство? Полтава с Донбассом? Ну ты дала, мать. Мой отец родом из Херсона, что ж мне теперь и на историческую родину съездить нельзя?
- Николай. (*пафосно.*) На историческую родину можно и нужно ездить, но захватывать чужую территорию – преступление.
- А.В. Пойду разложу тебе диван в кабинете. (*выходит.*)

Николай. Не волнуйся, добрая душа, Америка не допустит произвола. Есть Международный суд, Европейский суд по правам человека, различные международные арбитражи, наконец. А не поможет, так Америка свои санкции введет, мало не покажется их Путину, ишь чего вздумал, Украину захватывать. Совсем Россия распоясалась – решила бросить вызов мировому порядку. С какого такого перепугу?! И этот вызов мы, передовое человечество, воспринимаем как опасный выпад агонизирующего государства против Европы и Америки. А дурные примеры, как известно, заразительны, и мы не позволим Путину самоуправничать. Украина, как и все разумные, прогрессивные страны не могут не смотреть в сторону Запада. Молодая, энергичная страна тянется к нам, так надо протянуть ей руку помощи.

Олеся. Так мы ж только «за». Коней запрягли, копытом бьют, в Европу рвутся, не остановишь, только где она помощь-то ваша? Не видать пока. Ты не думай, мы лёгкие на подъём, нас только кликнуть, но Москва ж не пускает, будь вона не ладна. А так мы уже одной ногой в Европе.

Николай. Одной ногой не надо. Нужно срочно интегрироваться в евро-атлантическое пространство! А что значит, Москва не пускает?! Это не её ума дело, Россия - неправа и, пока не поздно, ее нужно ставить на место.

Олеся. Да кто ж её остановит, они уже в Украине!

Николай. *(попивая чай.)* Пока я тут летал, сколько всего интересного, оказывается, пропустил. У нас есть что-нибудь к чаю? *(Олеся подходит к буфету, достаёт конфеты.)* Но меня это не удивляет: Путин ведь нацелился захватить всю Европу, какой там Европу, целый мир. Планы грандиозные. А для начала ему нужно вернуться к прежним границам Союза, так что нападение на Украину – это давно спланированная операция и поверь мне, Леся, Украина – лишь очередная страна на пути следования этого хищника. Но Америка не допустит никаких незаконных референдумов, это уж я тебе гарантирую. Всё-таки в Европе находимся, не где-то на Памире.

Олеся: Дай-то бог, Мыкола, у меня ведь сваха в Крыму живет, очень переживает. Спочатку солдаты пришли, все базы позахватывали, теперь насильно к России присоединять будут.

Николай: *(зевая.)* В Крыму живет? Правда? А где в Крыму?

Олеся. В Планерном.

Николай. Да что ты? В Коктебеле, значит? Завидую. Я в детстве там с мамой часто отдыхал. *(возвращается А.В.)* Помнишь, мам?

А.В. Что, сынок?

Николай: Крым помнишь? Домик Волошина? На могилу его так долго поднимались, ты еще меня на спине несла. Я там первый раз в жизни светлячков увидел и персики попробовал. А заповедник помнишь, вот это заповедник, так заповедник. Не чета вашему курятнику. Бархатные горы, позолоченная солнцем степь и ласковое море.

А.В. А сосны! Кипарисы! Райское место. Какое было счастливое время.

Николай: Так что твоя сваха может спать спокойно, там она под защитой, никто её захватывать не будет.

Олеся: *(в ужасе.)* А если Крым пойдет в Россию?

Николай: Что значит пойдет в Россию? А сейчас он, простите, где?

Олеся в недоумении смотрит на Николая.

А.В. Покурить на Украину вышел.

Олеся: Да ну тебя, Мыкола, шутишь всё. Вы, американцы, далеко, а нам здесь не до сміху. *(сердито смотрит на А.В.)* Она, смотри, захватчики. Сначала поля захватывают, потом полуостров, а там и до целого материка недалеко. С них станется. Спите спокойно, якщо можете. *(выходит с гордым видом.)*

А.В. Идем и мы спать, Николенька. Я проветрила в кабинете, можешь ложиться. Завтра Леся шторы снимет и вниз переберешься.

Николай. А сегодня я себе шею должен ломать на диване?

А.В. Ну видишь, она злющая какая! Но её можно понять, проигрывать никто не любит. Кто ж захочет Крым отдавать?!

Николай. Мам, а Крым что, разве не Россия?

А.В. Издеваешься?

Николай: Да нет, просто никогда не задумывался. Странно.

А.В. А мне как странно всё это, тебе не передать. Бледный ты какой-то, страшный. У тебя всё в порядке? Иди ложись.

Леся на полную мощность включает радио на украинском языке. Передают прямое включение с Майдана.

А.В. Может, всё-таки возьмем Лесю. Смотри, как её штормит.

Николай. Не возьмем. Потом еще сама мне спасибо скажешь.

А.В. Что ж я ей скажу? Она же так собирается.

Николай. Пусть домой собирается, на баррикады. Не до жиру должно быть, когда Родина в опасности. Не сегодня-завтра русские на танках вкатятся. Или ты хочешь, чтобы я своими руками эту революционерку в Америку провёз? Ты сделала, как я тебя просил? Ты с ценой на дом определилась, наконец? Ты у риелтора была? У нотариуса была?

А.В. Была.

Николай. Слава тебе Господи. Наконец-то. Значит, завтра же заказываем билеты и прощай унылая Европа. У Леси нет парочки знакомых революционеров, подсобить с коробками? Хотя можно и цивилизованную контору нанять. Не каждый же день переезжаем, правильно?! (*обнимая мать.*) Пената моя, как я счастлив, что всё так хорошо складывается. Конец моим скитаниям, никаких больше съемных квартир: заживём, наконец, спокойной размеренной жизнью. Ты не представляешь, как я устал жить в чужих комнатах, квартирах. Как я ненавижу отели! Хочу иметь, наконец, свой дом. Чтобы непременно была новая мебель, ковры с длинным ворсом и маленький садик, где мы сделаем скворечники для перелетных птиц. Ты же, поди, не можешь без птичек своих.

А.В. Николай, я дом продавать не буду. Не могу я, понимаешь, не могу.

Николай. (*удивленно.*) Как не могу, ты только что сказала, что была у риелтора?

А.В. Я была у нотариуса, но не по поводу продажи, а насчет завещания. Сынок, дом мы продавать не будем и давай оставим эту тему. Мы просто не имеем права его продавать. От всех этих разговоров у меня ужасно разболелась голова.

Николай. Человеческая судьба рушится, а у нее голова, понимаешь ли, болит. Пропадай, погибайся молодая жизнь. Думал, уйти от судьбы?! А не получится, брат. Ох, время расплаты, почему ты всегда настаиваешь человека в самый страшный момент?! Надеяться нельзя ни на кого, даже на самых близких людей. Но человек слова и чести должен погибнуть стоя, ни перед кем не унижившись. Неужели вот так банально погибнет человеческая жизнь из-за каких-то денег! Господи, об одном прошу только, будь милостив, наставь и укрепи раба своего непутового в его поисках.

А.В. Господи, Николенька. Что за дурацкие молитвы? Кого это ты хоронишь?

Николай. Аминь. *(крестится.)*

А.В. И крестишься?

Николай. Ты только что подписала смертный приговор, мама.

А.В. Я? Кому? Да что происходит, в самом-то деле? Ты меня совсем запутал.

Николай. У меня поменялись жизненные обстоятельства, мама, и я, честно говоря, очень рассчитывал на продажу дома. Между прочим, я такой же наследник, как и ты и имею право на одну треть дома.

А.В. Сынок, что ты такое говоришь? Какое такое право?

Николай. Законное, мама. Я понимаю, тебе дела нет до моей жизни, я разрываюсь на части, а ты только и печешься что о каких-то птичках и домработницах, когда у тебя на глазах гибнет собственный сын.

А.В. Сынок, ты не можешь продать дом.

Николай. *(зло.)* Еще как могу и продам.

А.В. Никто не может его продать...

Николай. У меня, в конце концов, тоже какие-то права имеются, не только одни обязанности хорошего сына: *(противным голосом)* подай, сынок, принеси, сынок, хорошо учись, не огорчай папу, найди достойную партию, сынок.

А.В. Теперь я понимаю зачем ты приехал? Почему хотел заманить меня в свою Америку! Тебе от нас, то есть от меня, нужны только деньги?

Николай. Не только!

А.В. Зачем же ты говорил, что хочешь забрать меня с собой, что хочешь, чтобы мы теперь снова жили вместе? Ты меня обманывал? Признайся, ты ведь никогда не хотел со мной вместе жить? Никогда.

Николай. Подожди, пената, что ты разголосилась. Ты меня не так поняла.

А.В. Я, наивная дура, обрадовалась, что хоть кому-то еще нужна на этом свете, что у меня есть любимый, заботливый сынок. А ему только деньги нужны. Господи, какое счастье, что отец не дожил до этого момента. Да, ты - наследник, ты – продолжение нашей жизни, нашего рода. Мы же с отцом думали, что ты – наше всё, мы вкладывали в тебя самое лучшее: а какие надежды мы возлагали на тебя, на твою карьеру, на твои успехи! На свой страх и риск отпустили тебя на другой конец света, веря, что в Америке можно добиться намного большего. Там – будущее, там – прогресс.

Николай. Пената, давай не будем ссориться из-за ерунды, мы же всё равно решили переезжать. Лишние деньги нам не помещают, я всё улажу за неделю и уже через месяц ты будешь жить на побережье океана. Ты же так любишь море.

А.В. Я люблю горы. Но мы все равно не можем продать дом.

Николай. (*кричит.*) Что ты заладила: не можем, не можем! Я завтра же поеду к нотариусу и ты увидишь, на что я способен! Мне чужого не нужно, я заберу только свою часть. А остальным распоряжайся как хочешь. Не хочешь в Америку, сиди здесь со своими утками, или поезжай в Россию, на родную землю помирать, как ты хотела. Пока её Америка к рукам не прибрала.

А.В. Я вчера была у нотариуса. Мы снова читали завещание.

Николай. Хм, нашли что читать.

А.В. Николенька, что с тобой?!

Николай. Со мной всё прекрасно.

А.В. Почему у тебя такое злое лицо?!

Николай. Потому что меня раздражает твоё упрямство и эгоизм. Дом – моя собственность, сама же говорила, и я хочу получить то, что мне причитается по закону, сейчас, а не после твоей смерти.

А.В. Правильно, всё совпадает. У меня с утра было забавное приключение, я тебе не рассказывала? Я бродила по парку и, подойдя к пруду, на одном из кустов увидела маленькие желтые шарики. Я ужасно удивилась, ведь холодно, осень, откуда, думаю, на голых ветках взялись цветы. Подошла ближе, надела очки и о, чудо – не поверишь – это были корольковые пеночки – маленькие золотые комочки?! Как попали сюда эти птички? Вот вопрос? Они же на Алтае обитают, уж я-то их хорошо знаю, выросла там. Они такие крохотные, сантиметров десять. Это удивительно подвижное создание, не может ни секунды сидеть на месте, а тут сжались все, притутулились на ветках, холодно видать. Вот это чудо из чудес. Ты когда-нибудь видел корольковых пеночек?

Николай. При чем здесь это?

А.В. Я сразу почувствовала, что это какой-то знак, раз птица из родных краев сама тебе нашла, сама прилетела. А теперь я поняла, что налеталась я уже, напереселялась. Здесь, видимо, и останусь до конца дней своих вместе с пеночками. Ты прости, сынок, в голову снова вступило. Пойду я. *(идет к лестнице.)* Да, насчет дома-то. Ты всё никак не давал мне сказать: отец завещал тебе дом – это твоя собственность, но нотариус объяснил мне, что я являюсь узуфруктарием.

Николай. Чем ты являешься?

А.В. Узуфруктарием.

Николай. Это еще что за фигня?

А.В. Когда нам зачитывали завещание, я обратила внимание на это странное слово, но всё было в таком тумане, тебя рядом не было, я всё время плакала, и Леся подсовывала мне какие-то таблетки, от которых подташнивало и в какой-то момент сердце так зажало, что не вдохнуть. В жизни не принимала лекарств и тут черт меня дернул послушать эту дуру Лесю. Где она их только откопала? Я, кстати, с её успокоительными стала еще хуже спать по ночам: сначала засыпаешь и спишь как мертвая часа два-три, а потом просыпаешься и такая тахикардия начинается, что помереть, наверное, приятнее: сердце так бьется, так колотится, что вот-вот выскочит.

Николай. *(перебивая нетерпеливо.)* И что это значит?

А.В. Откуда мне знать, сынок, я - не врач? Одно понятно, не для меня такие эксперименты – сердце может не выдержать.

Николай. Слово это: узуфрарий, что значит...

А.В. А, узуфруктарий? Так я тогда так и не спросила, что оно значит, как-то не до того было... но вчера нотариус мне популярно объяснил... такой рассудительный молодой человек, должна тебе сказать. Жалко, что ты не приехал с ним познакомиться, вот уж прекрасный собеседник: и о политике с ним можно говорить, и обо всем на свете, у него столько оригинальных идей... и даже в орнитологии разбирается.

Николай. *(кричит.)* Мама!

А.В. Ах, ну да... Как я понимаю, меньше всего отец хотел, чтобы после его смерти мы продали дом и разорили его заповедник, дело всей его жизни. Поэтому он составил завещание таким образом, чтобы мы могли пользоваться домом, сдавать его в аренду, если понадобится, но не могли его продать.

Николай. Зачем же ты мне сказала, что я – собственник? Зачем ты меня обманула?! Специально, чтобы поиздеваться?! Это ты вселила в меня уверенность, надежду. Я всегда знал, что нельзя рассчитывать на вас, что вся ваша помощь – это только миф. Только одни иллюзия. Отцу всегда были важнее его драные курицы, чем родной сын.

А.В. Я тебе говорила и повторяю снова, ты – собственник, и после моей смерти ты сможешь делать с домом всё, что захочешь: сдавать, продавать, да хоть сожги его. Но пока я жива, продать мы его не сможем. Вот что такое это страшное слово – узуфрукт. Так что, хочешь – не хочешь, я придется ждать моей смерти.

Николай. Я не верю ни одному твоему слову.

А.В. Нотариус принимает завтра с девяти. А сейчас, дорогой мой сын, я хочу прилечь, ужасно устала от всего этого.

Николай. Узуфрукт. Подумать только. Отца-то кто надоумил?! Что же мне теперь делать?

А.В. Не забудь в кабинете окно закрыть, ночью бывает очень холодно. Спокойной ночи.

А.В. поднимается вверх. Раздается телефонный звонок. Николай подходит к мобильному телефону.

Николай. Да, слушаю. Нет, не сплю. Говори. *(Пауза.)* Не звонил, потому что занят был. Дела наши решал. *(Пауза.)* Да нет, всё плохо. С дома я ничего не получу. *(Пауза.)* А вот так. Не получу, говорят тебе, пока мамаша жива. Хоть бери и убивай её! *(Пауза.)* Какая жизнь, такие и шутки. Ладно, будем искать другие варианты, сейчас в Малайзию смогаюсь, завод продам, какие-то дыры залатаем. Ты своими делами занимайся. Копай свой огород, как говорит Леся. Но главное, выпроси ещё пару недель отсрочки. Всё, пока. Не трать мои деньги. В Европу как никак звонишь. *(поднимается вверх.)*

Конец второго вечера

Вечер третий

Прошло несколько недель

Снова вечер, в доме темно, Леся поднимается из цоколя по лестнице вверх. На ней длинная рубаша ниже колен с широкими вышитыми цветами рукавами и темно-зеленая юбка. В руках – гладильная доска. В момент когда она входит на кухню, срабатывает сигнализация. Леся, не обращая внимания на громкий звук, раскладывает доску, наливает воду в чайник, включает его, только после этого выходит в коридор и выключает сигнализацию. В комнате Анны Васильевны зажигается свет.

А.В. *(сверху.)* Леся, это ты? Леся, ну что там опять такое? *(Леся не отвечает.)* Леся, это ты? *(перевесившись через перила.)* Леся, ты издеваешься что ли? *(спускается вниз, заходит на кухню. Леся делает себе бутерброд, напевая что-то под нос.)* Леся, это ты, я тебя спрашиваю? Почему ты не отвечаешь?

Леся. Ой, а шо? Я нічого не почула. Ти мене кликала?

А.В. Уж обкликалась вся. Сложно ответить что ли? Я уж и спускаться боялась, вдруг грабители.

Леся. А чога бояться?! Обыкновенная воздушная тривога. Війна ж йде, забула чи що.

А.В. Какая война, Леся. Зачем ты здесь доску поставила?

Леся. Так у вас ведь тоже ж война. Или ты думала, что только у нас? А ви всі такі в білому: пушисты і невинні. Ну это вы уж сами виноваты, влезли куда вас не просили, так что теперь не обессудьте, когда погоним вас как козлов поганых.

А.В. Леся, ну что за слова. Ты меня иногда просто пугаешь.

Звонит телефон.

А.В. Я подойду. Алло, резиденция, заповедник. Вас слушают, говорите. Алло, да, да, так у нас датчик на лестнице неисправен, а никому и дела нет. Что код? Какой код? Ах код? Конечно, 1545. Нет, спасибо, не нужно сегодня никого присылать, да завтра переживем как-нибудь. И вам того же. *(вешает трубку.)*

А.В. Леся, зачем ты включила сигнализацию, какого черта ты вообще здесь делаешь? Ты же спать пошла!

Олеся выходит на кухню. Достает из серванта утюг.

А.В. *(кричит.)* Леся, ау? Я к тебе, кажется, обращаюсь.

Олеся. *(входит в гостиную с утюгом и молча включает его в розетку.)*

А.В. Леся, ты меня слышишь?

Олеся. Звичайно, чую, ви ж так кричите.

А.В. Что ты делаешь?

Олеся. Гладжу я, гладжу. Невже не видно.

А.В. Леся, завари мне свежего чаю покрепче.

Леся. *(не поворачивая головы.)* Так е же чай.

А.В. Не люблю старый чай, ты же знаешь.

Леся. Я ще вдень заварювала.

А.В. Заварювала она. Тебе лишь бы спорить. Завари свежий, говорю тебе.

Леся. А цей я куди подіну? Знову виливати?

А.В. Мне-то какая разница. Хошь выливай, хошь сама пей.

Олеся делает себе бутерброд с красной икрой.

А.В. И ты можешь, в конце концов, на нормальном языке говорить, я спросонья вообще ничего не понимаю.

Олеся. А я и говорю на нормальном, на украинском языке.

А.В. Зачем ты надела мой костюм?

Олеся. Який такой костюм?

А.В. Рубашку мою. Костюм мой русский, для народных танцев. А я думала, куда ж он подевался. Могла бы хоть спросить.

Олеся. Так це ж мой, украинский. Рукава ще моя бабуся пошила. Завидно?

А.В. *(рассматривает рукава.)* А на вид прям как мой костюм.

Пауза

Олеся намазывает себе еще один бутерброд с икрой.

А.В. Зачем ты икру открыла?

Олеся. *(с полным ртом.)* Захотілося в кой-то столітті себе побалувати, не можна чи що?

А.В. Да нет, отчего же нельзя, можно.

Олеся. Ось і я так подумала.

А.В. Только мы её на праздник берегли.

Олеся. Так сегодня как раз и есть самый что ни на есть праздник: наши в наступление перешли и выкинули терористів з Макіївки..

А.В. Где это Макеевка?

Олеся молча жует.

Откуда там террористы?

Олеся. Знамо откуда, из России засланные.

А.В. Тьфу, дура. *(выходит из кухни, берет телефон.)*

Олеся запихивает остатки бутерброда в рот и спускается на цокольный этаж.

А.В. Алло, Митенька, привет. Не разбудила? *(старается говорить тихо, чтобы Леся не услышала.)* Ну что, поспрашивал у своих? Как про что? Митенька, ну ты же обещал. Про работу для Леси моей. Да срочно, срочно, конечно, иначе не беспокоила бы. Говорит по-итальянски и немного по-французски. Нет-нет, к русским не надо, она к местным хочет. Да выучит она всё что угодно, золото, а не баба. Характер? Покладистый. Да нет-нет, остаюсь я, но Лесе здесь со мной тоска одна, она – женщина работающая, ей фронт работ нужен. Она командовать любит, персонал у нее как по струнке ходить будет. А у меня что, от заповедника избавилась, отдала то есть в хорошие руки. А в доме работы почти нет. Одной уборщицей обойдусь.

Олеся возвращается с материей желто-голубого цвета и, проверив, горячий ли утюг, начинает ее неистово гладить.

А.В. Ладно, Митюшь, не могу сейчас говорить. Прости, если помешала, но ты держи меня в курсе, не забудь, очень прошу тебя, мне срочно нужно. Буду твоя должница.

Пауза.

А.В. Леся, что ты гладишь? Что это за тряпка?

Олеся. Це флаг.

А.В. На кой тебе сейчас флаг? Я же тебя еще утром просила погладить мне две блузки на завтра.

Олеся. Зачем тебе две-то? Чтоб теплее было.

А.В. Так ты погладила? У меня завтра важная встреча.

Олеся. В стирке они.

А.В. Так они ж уже вторую неделю в стирке. Что ты там с ними делаешь?

Олеся. Да столько навалили стирки, не разгрести. Я, между прочим, в прошлую субботу вообще из дома не выходила. Все гладила и стирала, стирала и гладила. Мені надбавка за переробку покладається. Не рабиня чай.

А.В. Леся, послушай, мне нужно с тобой поговорить.

- Олеся. Не нужно, я и так всё понимаю, не дура.
- А.В. Что это ты, интересно, понимаешь?
- Олеся. Да то, что никуда мы теперь не едем. Да я в Америку твою и так ехать не хотела. Что я там не видала. Хорошего хлопца вырастила, подивитесь - наобіцяв з три короби і звалив – ну, чистый американец. Правильно, мы теперь ему не шибко-то нужны.
- А.В. В каком смысле?
- Олеся. Ну ты ж будинок не захотіла продавати...
- А.В. Какой еще будинок?
- Олеся. Как какой, ваш дом с отхваченной территорией поля. Вот малой и потерял интерес.
- А.В. А дом-то здесь при чем, скажешь тоже.
- Олеся. Что ж он тогда утек, аж пятки сверкали?
- А.В. Никуда он не утек. Он сейчас в Амстердаме, дела у него важные. Завтра в Куала-Лумпуре встреча, а на обратном пути в Америку, может, к нам залетит.
- Олеся. Да ни в жисть не прилетит он больше, уезжая, так клял тебя, так клял на чем свет стоит, сказал, что ноги его больше не будет в этой богадельне. «Чтоб вы все передохли вместе со своими птицами», - кричал, выпучив глаза. Аль забыла?
- А.В. А это не твоего ума дело. Ты лучше блузку мне погладь. Да что я тебя, упрашивать что ли должна?!
- Олеся. Некогда мне, не видишь, глажу себе. Ночь на дворе. Могу я, хотя бы ночью что-то для себя сделать. Дня что ли не хватает меня эксплуатировать.
- А.В. Чайник давно кипел? *(заглядывает в чайник.)* Боже святой, что ж столько накипи, ты давно чайник-то мыла?
- Олеся. А я не могу за всем уследить: вы тут чайники пачкаете, пол царапаете и телевизор всё смотрите, а я ходи за вами как за детьми малыми. Мне еще за прошлый выходной за пять часов никто не заплатил.
- А.В. Я тебя не просила работать в выходной.

- Леся Значится так, я в Америку не еду и не упрашивай.
- А.В. Почему это, интересно?
- Леся. Я не хочу, чтобы мне не недоплачивали, заставляли туалеты мыть и исподнее ваше стирать. Я – свободный гражданин Европы и хочу, чтобы работу мою ценили, говорили со мной с уважением. Надоел этот подневольный труд, горбатиться всю жизнь на кого попало. Пахать, как лошадь, пока вы тут чай распиваете. Хватит, пора на международный рынок труда выходить: языки я знаю, паспорт у меня европейский, так что на любую работу схожусь, не только русским барьям прислуживать. И вообще, не хочу я боле характер твой самодурный терпеть, что ни сделай, всё не так. Ты всю жизнь меня за дуру держала, я, между прочим, высшее образование имею. Педагог я.
- А.В. Педагог она.
- Олеся. Да, и не просто с дипломом, как ты, а и опыт работы есть, просто не повезло мне, не искала, в отличие от некоторых, за кого бы повыгодней замуж выскочить, да за границу свалить. А работала всю жизнь и всего добилась вот этими руками. Хватит, не могу больше несправедливость терпеть!
- А.В. Терпеть?! А тебя кто все эти годы терпел? За уши тянул, на курсы пойти заставил? А кто от тебя этого уroda, альфонса отвадил? Да я тебя, можно, сказать, от долговой ямы спасла.
- Олеся. Спасла? Да ты мне всю личную жизнь поломала. Сама при муже-старике скучала и мне, значит, никакого счастья. Ни себе, ни людям.
- А.В. Как ты можешь так говорить, Леся. Еще скажи, что я ничем тебе не помогала.
- Олеся. А это просто помогать, когда у тебя деньжищ полон дом. Даже небось в радость благодетельницей себя почувствовать. Поди плохо с барского плеча то денег немного отсыпать, то одежду какую старую сплавить, всё равно же выбрасывать. Долой рабство! Дышать свободной грудью хочу; на свободу, на свободу. Отпусти ты меня, не держи. Нема більше сечі терпіти твої гноблення і окрики.
- А.В. Отпусти ее. Самостоятельная ты наша. Ну что ж, давай. Подайся для разнообразия к полякам, к венграм, румынам, а может, сразу к цыганам. Пусть они тебе платят, по справедливости, а не как я. И пусть терпят твой

строптивый характер и нерасторопность. Только чем ты их удивлять-то будешь? Ты же ни черта не умеешь, кроме своего борща, вареников и вытирания пыли подолом фартука.

Олеся выпускает пар из утюга в сторону А.В.

А.В. Ах, ну как же я могла забыть про гладку; прости меня, я была права. Ты-просто бесценный кадр на рынке услуг. Да тебя любой европеец оторвет с руками и ногами, если он, конечно, уже не купил себе гладильный аппарат, которым может управлять даже обезьяна. Да пожалуйста, иди куда хочешь, на все четыре стороны, и не заплачу. Завтра же чтобы духу твоего здесь не было.

Олеся. *(Выключает утюг)* От уж нет. Я законы-то местные знаю, учёная. До конца месяца могу здесь спокойно работать. И никто меня с места не сдвинет.

А.В. Работать. Какое правильное слово. Работать, а не безобразничать! Ты посмотри, грязь-то какая в доме, ты полы когда последний раз мыла? Довыступаешься, Леся, вообще ни цента не заплачу.

Олеся. *(берет стул, залезает на него и достает пакет с конфетами со шкафа.)* Твоё право, не хочешь, не плати. *(стоит на стуле и с удовольствием уплетает конфеты.)* Свободных людей ничем не запугать, мы так просто не продаемся. Хочешь конфетку?

А.В. А как вы продаетесь? Непросто?

Олеся. Кончилась твоя власть, Анна Васильна. Я на врагов больше ишачить не намерена.

А.В. Это я что ли враг? Слезь со стула, сломаешь, это же раритет. Сколько раз можно говорить.

Олеся. Да ничего не случится с твоим стулом. Подумаешь! То же мне ценность, обыкновенная деревяшка. *(спрыгивает со стула. Резко берет стул за спинку, чтобы поставить на место и спинка остается у нее в руках.)*

А.В. Леся, ну я же тебя просила. Ну что ты, честное слово.

Олеся. Мне иногда очень жаль, что украинцы – народ миролюбивый и противники терроризму, а то такой фейерверк можно было в твоей Москве закатить с кучей жертв, чтобы всё потонуло в море крови и завалило ваши небоскребы

мешками костей. С агрессорами нужно только по плохому, их же методами: огнем и мечом, а лучше напалмом, как американцы в Китае делали. *(с силой впахивает спинку стула на место.)*

А.В. Это было во Вьетнаме.

Олеся. Тебе видней, ты же американцев рожаешь. Счастливо оставаться.

Выходит на лестницу и захлопывает дверь перед носом у А.В., в двери остается торчать украинский флаг.

А.В. Революционерка хренова. *(кричит ей вслед.)* Дура. Ну и катись. Неблагодарная.

(сама с собой.) Господи, откуда столько ненависти, столько злобы. За что она так ненавидит меня? Что плохого я ей сделала? Вот она - самая настоящая жертва информационной войны. *(кричит в дверь.)* А кто доску убирать будет? Совсем распустилась. *(Олеся включает на полную мощь новости на украинском языке.)* Нет, две недели я так не выдержу, уж скорее бы Митя нашел ей место, еще прибьет меня ночью чего доброго. От этих фанатиков всего можно ожидать. Теперь и не засну. Дура чертова всё настроение испортила.

Садится в кресло, надевает очки, берет журнал, читает вслух. Во время монолога сзади подкрадывается человек в черном.

Птица года. Так так: «птица года в Швейцарии избирается ежегодно швейцарским обществом охраны птиц.» Спасибо за информацию, а то мы не знали. Ну-ка, посмотрим, кто у нас в этом году: ушастая софа. Ну, это точно я. Просто вылитая. Ушастая дура, да еще и слепая. Так мне и надо. Нет, нет, секундочку. Ушастая софа – это две тысячи восьмой год, что ж таблица-то такая кривая. А в этом году кто? О, Гоголь. Какая красивая птица этот Гоголь, стильная такая. Я и не знала. Черная головка бархатная с белыми щёчками. Ну просто бо мы думали, шо вы птица. Да, Николай Васильевич дорогой, что же это делается-то. *(показывается а дверь вниз.)* Все не слава богу. Просто вечера на хуторе близ Женевы.

Тихонько подкравишись сзади, Заза бьет А.В. по голове пустой бутылкой. Бутылка от удара разбивается вдребезги. Анна Васильна с грохотом падает на пол и лежит, не шевелясь. Заза щупает пульс А.В., осматривается по

сторонам. Выдвигает ящики шкафа, высыпает содержимое на пол. Переворачивает стул. Входит Херкас.

Херкас. *(говорит с литовским акцентом.)* Заза, ты где?

Заза. *(говорит с грузинским акцентом.)* Что ты кричишь, урод? Нэ называй мене по имя!

Херкас. Что ты здесь делаешь?

Заза. Это что ты здесь делаешь? Зачем приперся?

Херкас. Да я решил тебе помочь, чтоб быстрее.

Заза. Ты дэбил совсем или прикидываешься?! Тебе велено было машину охранять.

Херкас. Никуда она не денется твоя машина. Ты здесь так долго, а мне там одному сиди. *(замечает тело А.В. на полу.)* А-а-а-а! Mans Dievs, kas tas ir jādara? Бож'е, бож'е! Щтоо это с неей?

Заза. Ничего это с ней. Пришлось вырубить. Чтоб не кричала, да.

Херкас. Ти с умаа сошел?

Заза. *(проверяет пульс.)* Пульса нэт, всё в порядке. Давай, помогай, раз пришел. Перенесем к дивану.

Херкас. *(берет ее за руку, отпускает, и рука безжизненно падает обратно на пол.)* Так ти ж'е ее убил!

Заза. А что мне надо было по головке ее погладить? Я думал, в доме никого нет. Мне сказали, что хозяева уже давно съехали. Какого черта ты пришел?

Херкас. Зачем ты ее убил? Ты же сказал, что только деньги и побрякушки поищешь? Теперь нас точно искать будут?!

Заза. Не каркай.

Херкас. Проверь пульс, может еще дышит. Зачем я, идиот, согласился пойти с тобой.

Заза. Вали обратно в машину, ты меня только нервидуешь.

Херкас. Не кричи ты так, вдруг она всё слышит.

Заза. Говорю же, пульса нет, как она может слышать. Только если уже с того света.

- Херкас. Иногда люди и в коме всё слышат.
- Заза. Ну ты и болван, швейцарская бабка всё равно по-русски не понимает.
- Херкас. (*крестится яростно.*) Господи, прости нас грешных. Прости и помилуй, прости и помилуй. Я не хотел, видит бог, я не хотел.
- Заза. Чего раскудахтался. Это у вас у литовцев в загробную жизнь верят, а мне по барабану. Померла, так померла. Значит, время пришло. Что встал, в шкафах посмотри, над плитой, в духовке. Паркет нужно простучать. А я пойду книжки шерстить: старые дуры имеют обыкновение деньги в книжки прятать. Темень-то какая. У тебя фонарик есть?
- Херкас. В машине.
- Заза. Болван.
- Анна Васильевна стонет.*
- Заза. Здрасьте приехали, живая. Беги скорее в машину за скотчем, большой рулон на заднем сидении лежит.
- Херкас. Зачем тебе скотч.
- Заза. Рот заклеивать будем. Беги, скотина, что встал. Иначе сейчас рядом ляжешь.
- Херкас. Что мы ее здесь одну оставим лежать?
- Заза. Нет, церковных певчих оставим покой ее охранять. Шевелись, говорю. Не на курорте.
- Херкас. Я один не пойду, я боюсь. Давай кляп ей в рот засунем, как в кино. У меня с собой тряпка есть.
- Заза. Вот урод, так урод. Помогите тогда. (*поднимают А.В., сажают ее на стул. Заза снимает со штанов ремень и привязывает А.В. к стулу*)
- Анна Васильевна стонет.*
- Заза. Сердце слабое, а живучая оказалась бабулька.
- Херкас. Ты откуда знаешь?
- Заза. Про что?

Херкас. Про сердце?

Заза. И слепому заметно, смотри как дышит. Давай свою тряпку.

Херкас отдает тряпку. Заза запикивает ее А.В. в рот. Та сопротивляется и снова теряет сознание.

Заза. Дуй в машину, посиди немного, осмотрись. Соседей вроде нет, но вдруг занесет кого нелегкая.

Херкас. Страшно мне одному, плохи наши дела, опознает она нас теперь, мы же без масок. Говорил тебе чулок нужно надевать.

Заза. Придурок, темнота здесь, бабка полуслепая, да и всё равно ей два дня до смерти. Иди в машину, я здесь пошарю и тоже выйду. Зря что ли весь сыр-бор. Сиди тихо и жди меня.

Херкас. Ладно. Пойду, Только ты недолго.

Оба выходят в разных направлениях. А.В. снова приходит в себя. Стонет. Пытается высвободиться. Кричит, но из-за кляпа вырывается только слабый стон. Открывается дверь в цоколь и выходит Олеся в ночной рубашке.

Олеся. Що тут за шум? Васильна? Это ты?

А.В. издает вопль. Олеся подходит к ней. Видит ее связанной, с кляпом во рту. Смотрит в удивлении и вдруг начинает смеяться.

Олеся. Что с тобой, Васильна?

А.В. *мычит в ответ*

Олеся. Кто это тебя так? Неужели грабители влезли. Я ж тебе говорила, а ты меня никогда не слушаешь. Ты всегда у нас самая умная, самая прозорливая. Вот и допрыгалась.

А.В. *мычит в ответ*

Олеся. Хорошо, что хоть не прибили тебя. Видать, сразу поняли, что брать-то у нас нечего. Зря только рисковали, идиоты.

А.В. Мычит, кивая головой в сторону кухни.

Олеся. А тебе так идет. Ха-ха-хахахахаха.

А.В. снова кивает в сторону кухни, издает какие-то нечленораздельные звуки, пытается что-то сказать. Леся в истерике продолжает смеяться, не говоря ни слова. На смех из кухни выходит Заза, со скалкой в руках, подкрадывается сзади к Лесе и бьет ее по голове. Леся падает на пол. А.В. издает вопль.

Входит Херкас.

Заза. Зачем ты опять приперся, олух?

Херкас. Что это? Снова труп?

Заза. Заткнись, урод. Помоги лучше ее к стулу приладить.

Херкас. Я не хочу в тюрьму, я на убийство не соглашался, ты сказал, что только побрякушки и золото поищем и по домам. А теперь это уже срок. Почему их теперь две?

Заза. А мне откуда знать, твою мать, сказали, будет одна бабка сердечница, божий одуванчик. Откуда эта тетка взялась, ума не приложу. Поди-разбери теперь какую из них...

Херкас. Какую из них что?

Олеся стонет.

Заза. Давай эту тоже на стул. *(тащат Лесю на стул, Заза привязывает ее руки инурком от ботинка к спинке стула.)* А эта какая тяжелая. Принеси с кухни полотенце, на столе лежит.

Херкас. Заза...

Заза. Не называй меня по имени, долбодуб. Неси полотенце. *(Херкас приносит с кухни полотенце, запихивает в рот Лесе.)*

Херкас. И что мы теперь будем с ними делать?! *(А.В. снова стонет, начинает вырывать, пытается высвободиться и встать со стула.)*

Заза. *(угрожая А.В. скалкой.)* Тихо сиди, а то прибыю.

Херкас. Не говори по-русски. А вдруг они все понимают.

Заза. Да бабка сто пудов местная, что она поймет. Не по-грузински же с тобой, козлом разговаривать.

Олеся сидит к зрителям в пол оборота и мы видим, что она пытается приподнять спинку стула, надеясь, что сидит на сломанном стуле.

Херкас. Я не хочу из-за тебя в тюрьму садиться, у меня мама.

Заза. Да хоть папа. Иди в машину. Я их быстро кончу и приду. Что вылупился? Проваливай, скотина.

Херкас. Как кончишь? В каком смысле?

Заза. Проваливай, я тебе сказал. Или хочешь рядом лечь маме на радость?

Херкас. *(хватая Зазу за рукав.)* Заза...

Заза. Не называй меня по имени, кретин.

Херкас. Слушай, не надо их кончать, давай просто сбежим. Найдем другой дом, я постою на шухере. Обещаю, что не буду тебе мешать. Они же не виноваты, что ты всё перепутал?! Не убивай. Только не убивай!

Заза. Да кто их убивает-то. Я дом осмотрю и сразу же выйду.

Херкас. Я тебе не верю. Не верю, ты кровопивец. Ты убийца. Я сам на тебя донесу.

В этот момент включается телевизор:

Диктор: «Экстренный выпуск новостей: «Сегодня на границе России и Украины был сбит Boeing 777. На борту самолета находились 283 пассажира и 15 членов экипажа — все они погибли. Рейс, который принадлежит «Малайзийским авиалиниям», следовал по маршруту Амстердам — Куала-Лумпур.»

А.В. издает вопль, начинает трястись всем телом. Кричит как ненормальная, пытается вырваться.

Диктор. «Украинская сторона отрицает свою причастность к крушения Боинга и обвиняет в случившемся пророссийских сепаратистов. Те, в свою очередь всю ответственность перекладывают на власти Киева.

А.В. поворачивается к Лесе и с кляпом во рту начинает кричать на нее, пытается вырваться. Леся тоже кричит, она уже освободилась от спинки стула и пытается развязать шнурок. Две женщины, привязанные к стулу, с кляпами во рту, кричат в ужасе

и злобе друг на друга. Грабители, остолбенев, в удивлении смотрят на них. А.В. удается выплюнуть кляп.

А.В. Это всё из-за вас, всё из-за хохлов. Убийцы, изверги проклятые. Фашисты, ненавижу, ненавижу, сыночек мой дорогой. Он же там, в самолете. Ненавижу, чтоб вам всем пусто было, я тебя застрелю, где мой пистолет, отпустите меня, сейчас же отпустите меня. Я вас всех переубиваю. Где мой мальчик, отдайте мне моего мальчика.

Херкас Я же говорил, а вдруг они - русские.

Олеся, наконец, высвобождает руки, вынимает изо рта полотенце

Олеся. Сам ты - козел.. *(бросает в него спинкой стула. Хватает лежащую на полу скалку и бросается на Заза. Хочет со всей силы ударить его по голове, но Заза уклоняется и хватается Олесю за руку. Олеся вырывается и кричит истошным голосом:*

А ну пошли вон отсюда, сволочи проклятые. Вот из-за таких как вы нет житья нормальным людям. Вы только нас позорите, всю страну позорите, зачем вы по-русски говорите, выродки? Вон пошли, я сказала, или я за себя не отвечаю. (Заза бросается к ней, чтобы схватить ее, а Олеся подбегает к щитку сигнализации и со всей силой жмет на кнопку вызова полиции. Раздается сигнал тревоги.)

Заза. Да ладно вам, мы же не знали, что вы свои. Зачем сразу полицию-то? Сами что ли не разберемся, слушай!

Олеся. *(кричит громче сирены.)* Убирайтесь.

Грабители выбегают.

Леся. *(бросаясь к А.В., развязывает ее. Та продолжает рыдать)* Васильна, перестань, не кричи. Подожди, подожди. Зачем так убиваться раньше времени. Может, его там и не было. Еще же ничего неизвестно, нужно точно узнать, наверняка. Посмотри на меня. *(А.В. бьется в истерике.)* Не плач, не надо. Я с тобой. Хочешь, я всегда буду с тобой, всегда! *(подходит к сигнализации и выключает ее.)* Хочешь, я никуда не уеду и буду только с тобой. Да и денег мне никаких не надо, честно. У меня же кроме тебя во всем свите никого больше нет, дети выросли и разбежались, сестра померла, брат

без вести пропал. Украина рыдна и то на части разваливается. Только ты и птицы и больше никого. Клянусь.

А.В. Сыночек мой, деточка моя. На кого же ты меня покинул?

Олеся. Да никого он не покинул. Ещё вчера твой Мыкола в Женеве был, звонил мне, пытал, как твое самочувствие, собираешься ли ехать с ним?

А.В. Врешь.

Олеся. Вот тебе крест. В Новотеле он. Всё выжидает чего-то.

А.В. Поклянись.

Олеся. Да грех это великий.

А.В. Он же мне из Амстердама звонил, в Малайзию собирался. Почему же он тогда не пришел?

Олеся. Совестно было на глаза тебе показываться. Всё момент правильный выбирал, как раз завтра собирался прийти прощения просить.

А.В. Что же вы со мной делаете-то? Смерти вы моей хотите, вот что.

Олеся. Почему ты мне сразу не сказала, что эти уроды еще в доме были? Я бы их так оглоушила, мало бы не показалось.

А.В. Меня же связали, или ты слепая. (*сердито.*) Предательница.

Леся. Прости меня, уж больно ты смешная была с заткнутым ртом. Ну просто – мечта домработницы.

А.В. Ты меня тоже прости, я от горя чуть с ума не сошла, наговорила тебе бог весть чего. Стыдно вспоминать.

Звонок в дверь. Входит несколько полицейских.

Полицейский. Доброй ночи, не помешали?! Что это у вас тут произошло?

А.В. Да уж, произошло, не знаю, с чего и начать. Проходите за мной в кабинет. Я должна сначала лекарства принять. (*полицейские поднимаются за А.В. на второй этаж.*)

Входит Николай.

Николай. Привет, Леся? Где мама? С ней всё в порядке? Почему все двери нараспашку, полицейская машина во дворе?

Олеся. А ты и не знаешь. Ну просто ангел небесный, откуда это тебя к нам занесло-то?

Николай. Ты что мелешь?

Олеся. Мамашку чуть кондрат не хватил, хотя, наверное, жалко, что не хватил, а то дом-то твой сразу сделался бы.

Николай. Где она?

Олеся. Да наверху, с полицией. Где ж еще быть. Времена такие настали, и не знаешь, что лучше, чтоб сынок сгинул навеки или самой легче помереть.

Николай. Совсем ты помешалась, Леся. Я завтра зайду. Не до меня сейчас, видно.

Николай выходит

Олеся. *(Вслед ему.)* Заходи, заходи, Мыкола, мы тебе всегда рады, соколик.

Начинает убирать: расставляет стулья по местам, собирает осколки посуды.

Конец третьего вечера

Эпилог

А.В. сидит на батарее в прихожей, в руках держит сумку и шляпу. Напротив на табуретке сидит Леся.

Олеся. Ну что, пора как будто, иначе опоздаешь, не дай бог, на самолет.

А.В. И правда. *(вставая.)* Спасибо тебе, добрая душа, за все спасибо. *(снова садится на батарею.)* Нет, не могу я что-то. Просто ноги не несут. Зачем мне уезжать? Зачем мне эта Америка?! Как же я без тебя.

Олеся. Опять завела шарманку. Уж сколько раз говорено, сколько слез пролито, решила, значит, поезжай. Тошно станет – вернешься. Я же здесь пока буду, вот она я. Куда мне деться-то. Вот так буду сидеть дни напролет, и тебя ждать.

А.В. *(снова вставая.)* Всё, хватит киснуть. В путь. Чай не на голгофу, к сыну родному. Он без меня пропадет.

Олеся. Пропадет, пропадет.

А.В. Одному ему там не справиться.

Олеся. Конечно не справиться.

А.В. Почему ты его не любишь?

Олеся. Кто не любит? Я не люблю? Не любила, так убила бы уже твоего Мыколу. Вот тебе крест.

А.В. *(обнимает Олеся.)* Прощай, добрая душа. Ты уж следи за садом.

Олеся. Не бойсь. *(подталкивая ее к выходу.)*

А.В. Пиши мне, как да что.

Олеся. До свиданьица. Опоздаешь.

А.В. выходит. Олеся закрывает за ней дверь и продолжает стоять и смотреть на дверь. Тихо плачет.

Раздается звонок в дверь. Олеся судорожно пытается повернуть ключ в двери, замок заело и дверь никак не открывается.

Олеся. Сейчас, сейчас, родная. Я так и знала, что ты вернешься. Я верила, что дальше ворот ты все равно не уйдешь. Васильна моя, дорогая. Ну что ты будешь делать, проклятый замок. Сейчас, сейчас.

Открывает, наконец, дверь, на пороге стоит незнакомая девушка, говорит на ломаном французском.

Девушка. Здравствуйте. Меня зовут Леся, я – студентка из Украины, из Киева. Приехала к вам учиться, но на жизнь не хватает. Вот продаю матрешки. Посмотрите, какие красивые, совсем недорого. Помогите, чем можете.

Леся машинально берет у нее из рук одну матрешку.

Девушка. Это национальный украинский промысел, народные умельцы делают. Матрёшка называется. Вы меня понимаете? Я плохо говорю по-французски. Я только учусь пока.

Леся. *(качая головой, захлопывает у нее перед носом дверь.)*

Снова звонок в дверь.

Девушка. Я извиняюсь, но вы забыли отдать матрёшку. Может, всё-таки возьмете. Недорого уступлю. Украинская народная поделка.

Леся. Забирай свою матрешку, дура. Це російський народний промисел, а не український. Щоб я тебе тут більше ніколи не бачила.

Захлопывает перед ней дверь; садится на батарею и плачет.

КОНЕЦ ПЬЕСЫ

Анастасия Вяземская

Корзье, май 2015